

Тоже война!

(Изъ очерковъ на текущую тему).

Его звали Штольць — Карль Ивановичъ Штольць... Онъ былъ изъ „Рига“. Онъ говорилъ отлично по-русски, но Рига являлась единственнымъ словомъ, не признававшимъ правилъ русской грамматики.

Это было маленькимъ, но все же замѣтнымъ штришкомъ. Штольцу было шестьдесятъ лѣтъ, изъ нихъ онъ тридцать лѣтъ выпекалъ булки для „Кривой“ улицы г. Ѳ., для ея вполне русскихъ и „отчасти русскихъ“ обитателей.

Булки эти съѣдались съ большимъ аппетитомъ—цѣнились... Цѣнился и самъ булочникъ. Его уважали...

— Доброе утро, Карль Ивановичъ!..

— Доброе, доброе утро, милый человѣкъ!..

Въ привѣтствіяхъ звучало подлинное дружество, нефальшивая теплота: хорошая, свѣжая, часто даже горячая, булка, выпеченная изъ доброй муки, не пустячный элементъ въ жизни—въ дѣлѣ примиренія всякихъ ея противорѣчій. Поэтому никто никогда не задумывался надъ тѣмъ, почему этотъ высокій, здоровый старикъ съ бритымъ лицомъ, съ спокойными сѣрыми глазами безъ блеска, на вопросъ—откуда онъ?—всегда отвѣчалъ съ полусознательнымъ нарушеніемъ правилъ русской грамматики:

— Я?.. Я изъ Рига!..

Да, никто надъ этимъ не задумывался, считая это пустякомъ вполне понятнымъ безъ всякихъ усилій аппаратовъ пониманія. Такъ было въ нормальное время, такъ было въ мирные годы, такъ было до войны...

Но война, эта самая ужасная изъ всѣхъ „естественныхъ“ неестественностей, все перевернула вверхъ ногами: съ гибелью самой великой жизненной сути, мира—всѣ пустяки жизни вдругъ получили большое значеніе. И вотъ послѣ объявленія войны прозвучало такое:

— Карлъ Иванычъ, почему вы говорите, что вы изъ „Рига“?.. А не изъ „Риги“?

— Потому что я изъ... „Рига“!—Карлъ Иванычъ на поставленный вопросъ отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ, но въ его тусклыхъ глазахъ сверкнула какая-то искра.

Спрашивалъ Рыжій Игнатъ, великолѣпный столяръ, еще лучший пьяница, большой грамотѣй, жадный чтецъ всего печатнаго, умѣвшій недурно думать въ трезвомъ состояннн и большой словесникъ подъ пьяную руку—въ общемъ личность не маленькая въ обиходѣ Кривой улицы.

Такихъ на Руси не мало. Что-то роковое, глубоко заложенное въ ихъ строптивую натуру, мѣшаетъ имъ примкнуть къ какой-либо компанн и они, лишщенные твердыхъ оглоблей товарищеской дисциплины, всю свою жизнь маются въ смѣнѣ настроеннй, тревожно волнующихъ ихъ мысль, иногда очень сильную, но все-же не способную дать имъ твердаго все-вырuchaющаго мнросозерцаннй...

Это—вѣчныя, трагическнй одиночки, въ большихъ затѣяхъ исторнй страстно творнщн чью-то чужую ими не осознанную волю...

Люди, по ихъ собственному опредѣленню,—„неприкаянные“.

Ихъ не мало, повторяю, они разбрызганы по всѣмъ кривымъ улицамъ русскихъ городовъ и поселковъ... Всегда озлобленные, во всемъ азартные—они творятъ таинственную работу внѣ какого бы то ни было общественнаго контроля.

Рыжій Игнатъ, получивъ на свой вопросъ спокойный отвѣтъ, не уснокоился и нервно заявилъ:

— Слѣдуетъ, Карлъ Иванычъ, вамъ хоть теперь въ военное-то время понять, что вы изъ „Рига“...

— О да, это я давно знаю, что я изъ... „Рига“... Вотъ ваша булка!—Человѣкъ изъ „Рига“ очевиднымъ образомъ не желалъ исправиться.

Игнатъ многозначительно сжалъ губы, взялъ булку съ прилавка и ушелъ изъ лавки, не пожелавъ, противъ всякаго обычая, Карлу Иванычу положенной „спокойной ночи“.

Былъ поздннй вечеръ. Карлъ Иванычъ уже собрался закрывать свою булочную, но теперь надолго застылъ за прилавкомъ съ деньгами Игната въ рукахъ.

О чемъ онъ думалъ?.. Гадать не будемъ, и оставимъ невысказанное—невысказаннымъ.

Такъ-то началась маленькая война между Карломъ Иванычемъ Штольцемъ и обитателями Кривой улицы. Началась съ пустяка, ибо въ устахъ булочника фразы „я изъ Рига!“ даже въ моментъ, когда онъ отлично заговорилъ по русски, не заключала въ себѣ ничего злосагаеннаго и, пожалуй, объяснялась очень просто.

Было-же время, когда Штольцъ могъ сдѣлать такое словочетаніе:

— Булка мой—очень хорошая хлѣбъ!

И поелику въ тѣ времена ему приходилось говорить очень часто, слишкомъ много разъ „я изъ Рига“, фраза отъ многократнаго употребленія приобрѣла особую твердость, не побѣдимую никакими знаніями упругость неправильности.

А когда на погрѣшность его рѣчи обратили вниманіе, то въ немъ не могло не заговорить простое упрямство и особая психологія ошибки: ей также присуща гордость...

Во всякомъ случаѣ, пустякъ приобрѣлъ большое значеніе. Рыжій Игнатъ заговорилъ. Въ трактирѣ, конечно. А трактиръ—страшное мѣсто. Трактирный столъ съ грязной скатертью, уставленный чайниками съ отбитыми носами, въ наши дни настоящая кафедра вполне и отъ всего освобожденной россійской словесности.

Никакой цензуры. Никакого страха. Что тамъ звучитъ, нельзя назвать ядомъ ненависти, тамъ вольной рѣкой, дымясь какъ огонь, плещетъ настоящая сѣрная кислота.

Одинъ странный человѣкъ, причастный къ печатному слову, уже давно рѣшившій пить, ѣсть, спать, какъ то дѣлаютъ разные Рыжіе Игнаты, спросилъ у рисуемаго здѣсь:

— Ну, что какъ моя статейка сегодня въ „Копейкѣ“?

И Рыжій Игнатъ отвѣтилъ:

— Такъ себѣ...

— Чего-же въ ней не хватаетъ?

— Многого... А между прочимъ... такъ въ концѣ... пары хорошихъ—мамашиныхъ словъ... Поставьте ихъ—имѣете миллионъ читателя...

И то была правда. Рыжій Игнатъ этой „пары словъ“ не жалѣлъ, ставилъ ихъ послѣ всякой точки, въ скобкахъ и въ запятыхъ, и имѣлъ огромную аудиторію—въ трактирѣ.

Ставилъ ихъ и пристукивалъ чайникомъ.

И вотъ такой-то Рыжій Игнатъ повелъ агитацію противъ Штольца.

— Я его заставлю по русски сказать: „изъ Риги“!..

Стукъ чайника по столу.

— Глаза-то у него, братцы, какіе?.. Загадка!.. Туманъ!.. Онъ глядитъ ими туда, поверхъ нашихъ головъ—туда, гдѣ кайзеръ! По-ни-ма-емъ!

Снова стучалъ чайникъ въ тактъ громкимъ ядовитымъ словамъ.

Стоялъ недалеко отъ Рыжаго Игната газетчикъ Терешка со своей сумкой, стоялъ и всѣмъ сіяющимъ молодымъ лицомъ, какъ какую-то тѣнь грозовой тучи, впывалъ рѣчь трактирнаго оратора.

А на завтра съ той-же улыбкой, рано утромъ со свѣжими газетами въ сумкѣ онъ входилъ въ булочную Карла Иваныча и радостно и зычно предлагалъ:

— Интересныя газеты: наши нѣмцевъ вдрызгъ растовосили!.. Не угодно-ли?

Видно было по лицу Штольца, что онъ прекрасно понималъ спрятанную въ словахъ и въ улыбкѣ газетчика стрѣлу, но спокойно безъ улыбки, только особеннымъ какимъ-то смѣющимся звукомъ говорилъ:

— Конечно, давай, давай... Съ этимъ ты не часто приходишь—пятачекъ заработалъ...

— Дальше и полтинника не пожалѣете, Карлъ Иванычъ!— задорно и увѣренно отвѣчалъ газетчикъ, оставляя газету въ рукахъ булочника.

И уходя, слышалъ за своей спиной:

— Приходи, приходи: не разоришь!

Такимъ-то образомъ незамѣтно нарастала враждебность въ отношеніяхъ булочника и его покупателей и всякихъ поставщиковъ.

— Доброе утро, Карлъ Иванычъ!

— Доброе, доброе утро, милый человекъ!

Это было основательно забыто къ четвертому мѣсяцу войны. И однажды Карлъ Иванычъ, выйдя изъ-за прилавка, нашелъ на немъ съ другой стороны прилѣпленный какимъ-то злымъ шутникомъ плакатъ:

— „Просятъ не говорить по нѣмецки!“

Онъ долго стоялъ надъ нимъ, чуть наклоня голову и заложивъ руки за спину. Казалось, внимательно вглядывался въ эти слова и вчитывался въ ихъ смыслъ. Потомъ губы его передернула какая-то улыбка и онъ медленно отвернулся...

Плакатъ остался на своемъ мѣстѣ и сдѣлался на долго предметомъ улыбающагося вниманія для посѣтителей лавки.

Штолецъ почему-то не хотѣлъ снимать этой неумной надписи. Но съ этихъ поръ въ его тускло-сѣрыхъ глазахъ, дѣйствительно, зачернѣла глубина тайной думы и онъ пересталъ глядѣть кому-либо въ лицо и сталъ похожъ на того Штольца, о которомъ говорилъ Рыжій Игнатъ въ трактирѣ:

— Глаза-то у него, братцы, какіе?! Загадка!.. Туманъ!..

Штолецъ былъ вдовецъ. Его жена уже давно умерла, оставивъ сына—сынъ этотъ уже давно выросъ, служилъ и къ моменту войны числился въ запасѣ.

Звали его Иванъ Карлычъ. До войны нерѣдко называли просто „Ваня“ или „Карлычъ“.

Насталъ день, когда Ивана Карлыча тоже позвали на службу, на боевую страду. Вся Кривая улица при этомъ событіи особымъ образомъ перемигнулась и зашептала.

А въ тотъ часъ, когда старый Штольцъ долженъ былъ проводить на войну молодого Штольца, у дверей лавки на троттуарѣ собралось порядочная таки по числу группа всякихъ любопытствующихъ сосѣдей.

То были люди вообще не злые, но способные на недоброе любопытство. По всёмъ глазамъ и лицамъ было видно, что для нихъ интересъ минуты заключался въ томъ: какъ *этой* старый нѣмецъ пошлетъ сына бить *тѣхъ* нѣмцевъ?

Однако старый Штольцъ обманулъ всё ожиданія. Когда Иванъ Карлычъ смущенно и какъ-то неловко выпрыгнулъ „въ полномъ походѣ“ на улицу, то за нимъ быстро захлопнулась стеклянная дверь булочной, а за ней лишь на мигъ мелькнуло сѣрымъ пятномъ лицо Карла Ивановича.

Изъ группы кто-то крикнулъ молодому Штольцу:

— Смотри, Ваня, не посрами Кривой! Задай нѣмцу хорошаго перцу!..

На это „Ваня“ устремился прочь, потрясая головой не то въ знакъ обѣщанія, не то въ желаніи отчего-то отмахнуться.

Группа долго провожала его глазами. Тамъ стоялъ и Рыжій Игнатъ. Онъ наканунѣ „въ доску“ пропился. Былъ почти раздѣтъ и обуть въ спорки.

Была злая ноябрьская погода, но Игнату было, видимо, очень жарко и его растительность и его лицо были одного цвѣта, хорошо полированной красной мѣди.

Онъ стоялъ, скрестивши руки на полуобнаженной груди, и, видимо, въ ту минуту все презиралъ: и тревожное темное небо и панель, мокрую и грязную подъ частыми небесными слезами.

Кто-то многозначительно замѣтилъ:

— Я бы на эту войну ни одного нѣмца не послалъ...

Игнатъ сплюнулъ и выцѣдилъ:

— Кто?.. ты?..

— Да, я!.. Какая на нихъ надежда?!

Игнатъ еще разъ сплюнулъ и опять выцѣдилъ:

— А я ихъ всёхъ бы: и стараго, и молодого въ окопы послалъ: въ этомъ-то и есть вся надежда, болванъ алилуйный!..

Собесѣдникъ, сапожникъ—причастный на любительскихъ основаніяхъ и къ пѣвческому ремеслу — хотѣлъ обидѣться, но не успѣлъ: Игнатъ зашлепалъ опорками по мокрой мостовой къ трактиру...

Въ этотъ день старый Штольцъ очень рано вечеромъ закрылъ свою булочную и видѣли его, какъ онъ, нѣсколько согнувшись, прошелъ по улицѣ во дворъ, гдѣ жилъ и работалъ портной Каплунъ „безъ вывѣски“...

Каплунъ былъ маленькій, пожилой, но еще черненькій еврей обремененный небольшимъ заработкомъ и многочи-

сленной семьей. На Кривой улицѣ онъ, кажется, являлся единственнымъ человѣкомъ, отношенія котораго со Штольцемъ не претерпѣли никакого измѣненія отъ кровавыхъ брызговъ съ боевыхъ полей.

Штольць былъ русскій нѣмецъ „изъ Рига“, а Каплунъ былъ русскій еврей „съ Голты.“ Штольць ни за что не призналъ бы себя *только русскимъ*, Каплуна ни за что не хотѣли считать таковымъ. Все это сближало ихъ положенія и они и послѣ войны продолжали говорить другъ другу:

— Доброе утро!

— Доброе, доброе, утро!

Этимъ-то и объяснялось то, что вечеромъ этого дня, когда „Карлычъ“ поѣхалъ въ армію, Карлъ Иванычъ, согнувшись, входилъ въ небольшую, скудно освѣщенную мастерскую маленькаго, черненькаго еврея.

Тамъ на всемъ были слѣды большой работы и большой гужды. Портной что-то съ авартомъ утюжилъ.

Прозвучало:

— Добрый, добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Портной тряхнулъ головой и продолжалъ свое дѣло, а Штольць усѣлся на единственный стулъ и закурилъ трубку. Курилъ онъ долго и долго молчалъ.

Каплунъ тоже работалъ съ усердіемъ нѣмого.

Штольць выкурилъ двѣ трубки, портной разутюжилъ двое брюкъ и тогда послышалось:

— Вы слышали, господинъ Каплунъ, сегодня мой Иванъ Карлычъ поѣхалъ на позиціи?..

Портной тряхнулъ головой,—онъ слышалъ эту новость, потомъ плюнулъ на утюгъ, слюна зашипѣла нужнымъ звукомъ и снова тогда пошла работа среди полного молчанія. Но это молчаніе было странное. Временами казалось, что Штольць и Каплунъ о чемъ-то разговариваютъ.

Какія-то слова—мысли перескакивали отъ одного къ другому, сталкивались, вспыхивали какимъ-то искрами и гасли, наполняя тѣсное помѣщеніе мастерской особымъ, живымъ и, пожалуй, душу щемящимъ трепетомъ...

Кому-жъ это могло казаться?..

Это казалось Штольцу и это казалось Каплуну, а какъ это стало намъ извѣстнымъ—сообщится...

Штольць выкурилъ четыре трубки и поднялся.

— Спокойной, спокойной ночи!

— Спокойной ночи, господинъ Штольць!

Взявшись уже за дверь для выхода, тотъ обернулся и спросилъ:

— А что пишетъ вамъ Самуилъ?

Каплунъ приготовлялъ подъ утюгъ четвертая брюки. При вопросѣ Штольца онъ ударилъ по утюгу наслоненнымъ пальцемъ и тихо сказалъ:

— Что онъ уже раненъ въ обѣ ноги и лежитъ въ лазаретѣ... такъ пишегъ...

—...Спокойной, спокойной ночи!..

Штолецъ еще больше согнулся и вышелъ, а утюгъ съ нажимомъ пошелъ за пальцами, расправлявшими швы брюкъ военного образца..

Прошла осень и зима, наступила холодная весна...

Черненкій маленькій Каплунъ чуть посѣдѣлъ, однако изъ-подъ его утюга выходили по прежнему великолѣпныя брюки военного образца...

Вѣдь война продолжалась. Самуила вылечили и онъ снова попалъ на позиціи. Его опять ранили, но уже не могли вылечить и онъ умеръ.

Каплунъ посѣдѣлъ, но работы было много и было еще больше нужды: некогда было чувствсвать, и поэтому Каплунъ сразу, въ одинъ мигъ отчувствовалъ свое горе: въ мигъ посѣрѣлъ и по прежнему пошла работа, работа изъ третьихъ рукъ—надрывная, неприбыльная. Вѣдь Каплунъ работалъ безъ вывѣски.

Было утро. Утюгъ разглаживалъ брюки и лицо у портного было такое, какъ будто онъ водилъ горячимъ желѣзомъ не по сукну, а по собственной душѣ, по швамъ своего большого горя.

Вошелъ Рыжій Игнатъ, опухшій, сѣросиній, похмѣльный, одѣтый въ рвань и вполнѣ босикомъ.

— Я къ вамъ, господинъ Каплунъ...

Портной остановилъ утюгъ и молча полѣзъ въ жилетный карманъ за маркой: онъ подумалъ, что столяръ хочетъ просить на похмелье. Но тотъ его остановилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не за этимъ: мнѣ нужна игла побольше и черная нитка—подлиннѣй! Видите, надо заштопаться!..

Рыжій Игнатъ при этомъ улыбнулся той особой улыбкой пропойцы, которой они прикрываютъ нѣкоторое смущеніе отъ сознанія неладности своего поведенія.

Портной посмотрѣлъ на прорѣхи въ подобіи пиджака, бывшаго на Игнатѣ, и покачалъ головой:

— Тутъ игла бесполезна!.. Подождите: у меня есть старій пиджакъ, я его вамъ дамъ—одѣньтесь...

Рыжій Игнатъ однако замоталъ головой и замахалъ руками:

— Дайте иглу и нитку, а пиджака раннего мнѣ не надо: я могу носить только то, что уже ничего не стоитъ, а вашу пиджакъ все-таки вещь, я ее моментально въ оборотъ пуцую!. Иглу и нитку, г. Каплунъ!

Портной досталъ и подалъ требуемое, потомъ приниженъ было за свою работу, но утюгъ его словно бы отяжелѣлъ, пошелъ медленно и неловко.

Игнатъ Рыжій уже работалъ надъ прерѣхами. Онъ остался въ рваной грязной рубахѣ; тѣло, изможденное, больное, сквозило и дрожало съ холоду и съ п реною, необутая ноги, окрашенные въ цвѣтъ мосточой, тоже танцевали.

Но Игнатъ проворно работалъ иглой: навикъ руки ремесленника побѣждалъ всякое состояніе; прерѣхи стигивались быстро и ловко и даже прочно.

Каплунъ, очевидно о чемъ-то усиленно думавшій, наконецъ отставилъ свой утюгъ и сталъ молча и въ упоръ слѣдить за работой шьющаго столяра. Тотъ почувствовалъ этотъ внимательный взглядъ и тоже поднялъ голову,

— Что вы такъ глядите, господинъ Каплунъ?

— Мнѣ васъ, Игнатъ, очень жалко!

Игнатъ тряхнулъ головой и изъ него выкатилось:

— Есть и мнѣ о чемъ пожалѣть...

— О чемъ, напимѣрь?

— Да о томъ, напимѣрь, что вы, г. Каплунъ... не Богъ! Будь вы Богъ, то ваша жалость, не мнѣ, а многимъ другимъ помоложе очень бы пригодилась...

Сказалъ, наклонилъ голову и почти съ яростью сталъ пронизывать иглой ключья своего пиджака. Портной тоже хотѣлъ было продолжать свою работу, но не смогъ и опять отставилъ утюгъ.

Бесѣда искала возобновленія.

— Скажите, Игнатъ, что вы чувствуете, когда начинаете пить?

— Героемъ себя не чувствую,—сказалъ Игнатъ. Иголка только на мгновеніе застыла въ воздухѣ и потомъ впилась въ ветошь.

Но маленькій еврей настаивалъ и Рыжій Игнатъ поглядѣлъ на него, потомъ, чуть улыбнувшись, сдался.

— Но, однако?

— Чувствую, что ничего не чувствую, ничего не думаю, ничего не говорю, въ темной паутинѣ запутался, въ которой и я и все кругомъ ненужное, клятое!.. Тогда бросаю стамеску о полъ и понесъ!.. Дай огня! Отогрѣй сердце! Растопи душу!.. Только и всего... Ясно, какъ... осенняя темная ноченька! Не такъ ли?.. Хе-хе-хе!.. Все это не понять изъ ведра самой чистой воды, а надо отвѣтить изъ стаканчика политуры „двой-

той очищенной“!.. Ну, вот мой пиджакъ и готовъ! Ваша иголка!.. Съ благодарностью!

Игнать поднялся, но лицу его заходила судорога страшнаго смѣха и онъ сталъ напяливать на себя свой „пиджакъ“. Портной задумчиво глядѣлъ на него. Игнать, одѣвшись, вдругъ спросилъ:

— Г. Каплунъ, скажите: что у васъ за дружба со Штольцемъ?.. Чуть не каж ный вечеръ онъ къ вамъ и къ вамъ? С чѣмъ такую длинную пѣсню поете?

— Какъ сказать?! Онъ молчитъ и я молчу: онъ куритъ а я работаю.

— И оба молчите? Да ну?..

— Правда. Молчимъ, но будто мыслями разговариваемъ. Я знаю, что онъ мнѣ хотѣлъ бы сказать, а онъ знаетъ, что я ему объяснить могу... такъ кажется..

Игнату стало совсѣмъ весело.

— Ха-ха-ха!.. Но неужели такъ все въ молчанку?

Портной повернулся къ утюгу и, принимаясь за работу, сказалъ:

— Раньше все было такъ: молчали.. Только въ послѣднее время слова пошли, послѣ... смерти моего Самуила..

Въ глазахъ Игната сверкнуло жадное любопытство:

— Какія же слова?

Каплунъ не сразу отвѣтилъ, поводити-поводилъ утюгомъ и нехотя выцѣдилъ:

— ...Англію ругаетъ, во всемъ Англія виновата!..

Рыжій Игнать даже подпрыгнулъ, словно бы ключъ къ душѣ Штольца нашелъ, и только прощаль:

— Ага! Сказывается!..

Потомъ добавилъ тише:

— Ну, извиняюсь и удаляюсь..

Онъ хотѣлъ исчезнуть, но портной задержалъ его:

— Постойте. Вы все-таки возьмите мой пиджакъ. Если вы его день поносите, и то хорошо, и то тепло... У меня, видите, на плечахъ стоитъ маленькая коробочка, а въ ней два стеклышка... Черезъ нихъ я, маленькій человѣкъ, вижу двѣ вещи — немного вижу: отчего солнце всходитъ и почему свѣчка тухнетъ... Я—бѣдный еврей портной шью и иногда очень дорогіе костюмы, и старому пиджаку цѣну знаю!.. Возьмите его! Да!.. Пропьете — будемъ считать, что мы его вмѣстѣ пропили... Я вѣдь тоже хотѣлъ напиться одинъ разъ, когда мнѣ показали, что человѣческая жизнь меньше стоитъ, чѣмъ кусочекъ желѣза..

Рыжій Игнать сдѣлалъ энергичный жестъ головой и твердо сказалъ:

— Нѣтъ, г. Каплунъ, вашего стараго пиджака я все-

таки не возьму: онъ... дорогая штука и мнѣ его пропить потомъ очень жалко будетъ!..

Договорилъ пониженнымъ, довѣрительнымъ тономъ.

Черезъ часъ, уже опохмелившись, онъ ораторствовалъ въ трактирѣ:

— Нѣтъ, товарищи, англичане великая нація!.. Куда ни пришли, какую жизнь сотворили-то!.. А?.. Америка, Австралія, Ново-Зеландія!.. Это островъ такой есть, гдѣ полсотни лѣтъ назадъ человѣкъ человѣка на сковородкѣ жарилъ и съ вилки кушалъ! А теперь?! Газеты, трамвай, всякая свобода!.. Это не куриная голова, это не за пудъ тебѣ твоего золота да моего навозу полфунта!.. А сейчасъ: поставили броненосцы вокругъ Германіи и говорятъ: стрѣляй пока что, но голодомъ заставимъ тебя шапку снять и лбомъ о землю удариться съ покаянною, прости моль, солнце ясное, что мы тебя изъ своихъ пушекъ закоптили!..

Слѣдовали крѣпкія слова и стучалъ о столъ безносый чайникъ.

Къ вечеру Игнатъ былъ готовъ и тогда пошелъ на улицу подъ черную непроглядъ, подъ слякоть холодную!..

Тамъ онъ прежде всего осадилъ тучнаго, осанистаго, очень спокойнаго по темпераменту, постового городского Якубенка.

— Здравствуй.

— Проходи.

— Куда это?

— Мимо.

— А если я желаю тебѣ пару словъ сказать? Секретъ существованія открытъ?

— Говори, но проходи.

Игнатъ подбоченился и сталъ насмѣшливо разглядывать городского. Тотъ пожалъ плечами и, отворачиваясь сказалъ:

— Когда ты, чортъ, наконецъ, издохнешь? Этакая гниль—зараза въ погодѣ, а ты какъ замороженный ходишь! Ни тифа на тебя, ни чахотки!.. Даже удивительно!

— Я и вправду замороженный!.. Была уже вырыта могила, да я ее другому продалъ, а на гроши его опохмелился!.. Только и ворожбы!.. Ну, да дѣло не въ этомъ, а въ томъ, чтобъ ты понялъ, какъ воры сломали все затворы и мужицкую—не думай, клѣтъ—а душу раскрадываютъ!..

— Не понимаю!.. ничего не понимаю!—развелъ руками городской.

— Поймешь сейчасъ, скажи: почему ты!.. не приставъ, а только городской?

— Не обученъ. Ясно.

— А почему не обученъ?.. Это-то тебѣ ясно?

Городовой тогда инстинктивно и тревожно отстранился. Сурово затѣмъ проговорилъ:

— Ну, лучше проходи, вѣдь участокъ-то близко...

— Участокъ?

Рыжій Игнатъ захохоталъ весело, широко открытой глоткой; и даже взялъ городского за пнуръ.

— Это меня-то въ участокъ? Русскаго человѣка за русскія рѣчи русскому же человѣку?! Ха-ха-ха!.. Землякъ, шутишь!!

Якубенка поежило какое-то особое внутреннее смущеніе. Онъ торопливо досталъ пачку папиросъ и предложилъ:

— Не ори! Ради Бога! На вотъ соску, заткни глотку!.. Бѣда съ тобой; ты мнѣ, какъ боль въ кишкахъ!

Игнатъ, усмѣхаясь, раскурилъ „даровинку“ и все-таки хотѣлъ продолжать свое краснорѣчіе, но Якубенко почти отскочилъ отъ него и сталъ быстро-быстро отходить прочь отъ назойливаго человѣка, издали, черезъ плечо, усовѣщевая:

— Спать иди!.. Пожалѣй хоть свои босыя ноги—холодъ, мокреть!..

Рыжій Игнатъ стоялъ, не уходилъ. Онъ глядѣлъ въ страшную тьму улицы и соображалъ что-то новое. Потомъ быстро повернулся и бѣгомъ побѣжалъ куда-то, разбрызгивая босыми ногами грязь мостовой во всѣ стороны...

Въ это время Карлъ Ивановичъ Штольцъ уже укладывался спать въ комнаткѣ, примыкавшей къ лавкѣ. Тамъ горѣла свѣча на ночномъ столикѣ, постель была готова и даже одѣяло, толстое, теплое, было аккуратно отвернуто.

Самъ Штольцъ былъ въ нижнемъ бѣльѣ и въ ночной шапочкѣ. Онъ оправлялъ свѣчу и думалъ о своемъ сынѣ, отъ котораго изъ арміи уже два мѣсяца ничего не получалось.

Лицо старика было угрюмо: безстрастіе сошло съ него, ибо онъ былъ самъ съ собой. Онъ не на шутку безпокоился. Наконецъ, онъ сдѣлалъ жестъ плечами полный тревожнаго непониманія и собирался уже лечь въ постель, какъ вдругъ съ улицы, въ дверь лавки, кто-то рѣзко и рѣшительно постучалъ.

Такъ стучать только разносчики телеграммъ. Все существо старика залилось холоднымъ испугомъ при этомъ стукѣ. Онъ торопливо со свѣчей въ рукѣ метнулся въ лавку и сталъ дрожащей рукой отворять дверь, выкрикивая:

— Сейчасъ, сейчасъ... Подождите!..

И слышалось въ этомъ ожиданіе чуть-ли не смертельныхъ вѣстей.

Дверь была открыта, но за ней стояла какъ будто только холодная, темная сырая ночь.

— Кто стучалъ?.. спросилъ старикъ въ пространство.

— Я...—послышалось изъ-за тротуара.

Послышался голосъ, увы! Штольцу очень знакомый— хриплый голосъ Рыжаго Игната. Въ груди старика закотала страшная ярость и онъ тоже хрипло крикнулъ:

— Что надо?

— ...Сказать одну вещь, что... англичане—великая нація и нѣмцы это скоро поймутъ!..

Свѣча въ рукѣ старика ходуномъ ходила, но все же у него вырвалось пронизанное уже злѣйшей враждой:

— Англичане—великая нація! Да!.. А ты какая... нація??

— Ха-ха-ха!.. Я?.. Я—не нація, читай „Не“ съ большой буквы, оно—тоже... великое...

Утромъ Рыжій Игнатъ повѣствовалъ Каплуну о своемъ ночномъ подвигѣ и Каплунъ его молча выслушалъ, но при разсказѣ Игната утюгъ не двигался, былъ отставленъ...

Вечеромъ Каплунъ тоже самое слушалъ отъ Штольца. Опъ слушалъ и молчалъ, только работалъ его утюгъ...

И Штольцу портной тоже ничего не сказалъ, но тотъ и не ждалъ словъ, онъ самъ заговорилъ и говорилъ долго и много. Говорилъ о томъ ужасѣ, что какой - нибудь Юганъ Карлъ съ той стороны убьетъ Ивана Карлыча съ *этой* стороны ..

Маленькій посѣрѣвшій еврей Каплунъ слушалъ, работалъ и ничего не сказалъ о томъ, для него самого страшномъ и дикомъ, что, можетъ быть, какой-нибудь Самуилъ съ *той* стороны повиненъ въ смерти уже убитаго другого Самуила со стороны *этой*...

Утюгъ, шелъ разглаживая швы и большого человѣческаго Горя, и попутно швы брюкъ военного образца...

Война-то вѣдь продолжалась...

И. Емельянченко.